

УДК 342.951

**ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ –
КОРРУПЦИОННАЯ УГРОЗА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ**

© 2016 г.

А.К. Балдин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Дзержинск

semgerman@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.2016

Оценивается влияние коррупциогенного фактора – юридико-лингвистическая неопределенность на практику реализации регионального нормативного правового акта.

Ключевые слова: противодействие коррупции, коррупциогенный фактор, юридико-лингвистическая неопределенность, методика проведения антикоррупционной экспертизы, антикоррупционная экспертиза, нормативный правовой акт.

Современная законодательная деятельность в России, осуществляемая в форме принятия нормативных правовых актов или внесения в них изменений, все чаще и чаще осуществляется без учета характера и специфики общественных отношений, которые регулируются указанными документами. Это приводит к созданию неэффективных правовых документов. В целях достижения эффективности правоприменительной деятельности смысл и содержание нормативных правовых актов должны однозначно пониматься в процессе реализации предписаний правовых норм, поскольку социальная функция права как регулятора общественных отношений выражается не просто в его наличии, а в динамичном функционировании и реализации.

Использование неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера в законодательной и правоприменительной практике рассматривается как дефект правовой нормы и, в узком смысле, как коррупциогенный фактор, способствующий совершению коррупционных правонарушений, маскирующихся за счет возможности избирательного применения или неприменения правовых норм, отсутствия системы их реализации [1].

Как коррупциогенный фактор юридико-лингвистическая неопределенность обозначена федеральным нормативным правовым актом – Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [2], которая относит данный фактор к группе коррупциогенных факторов, содержащих неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям.

Негативное влияние категорий оценочного характера для правоприменительной практики обусловлено прежде всего тем, что с помощью

последних в нормативных актах устанавливается абсолютная или сравнительная ценность какого-либо явления в правовой сфере, дается ему оценка, причем её характер и основания могут существенно отличаться, что значительно расширяет сферу применения должностных усмотрений [3]. Вследствие того что законодатель обычно не разъясняет оценочные понятия, в правоприменительной деятельности участники общественных отношений получают возможность по собственному усмотрению осуществлять их правовое регулирование, свободно трактовать многие юридические понятия. Необходимо иметь в виду, что содержание оценочного понятия во многом зависит от конкретной ситуации, от уровня правосознания субъекта, применяющего соответствующую норму права, а его убеждения, доводы, моральные установки и аргументы, жизненные цели и ориентиры выступают в качестве оснований осуществляемой оценки, что придает праворегулирующему процессу известную степень субъективизма [4].

В юридических науках длительное время бытовало мнение, впоследствии прочно утвердившееся в правоприменительной практике, что язык права обязательно должен быть несколько расплывчатым и неопределённым, что требования точности вообще неуместны в отношении правовых категорий [5]. Однако подобное заблуждение опровергается результатами исследований, проведёнными в этой области. Данные исследования показывают, что дефекты языка и структуры правовых понятий носят частный характер, что число их ограничено и что задача по их устранению вполне осуществима.

Если в нормативном правовом акте вводится какой-либо термин или используется новое понятие, указанные нововведения должны быть чётко определены в данном нормативном пра-

вовом акте и доступны для понимания любого правоприменителя. Дефекты формулировок нормативного правового акта могут обусловить произвольное применение его норм, которое связано, в том числе, с коррупционными проявлениями.

Юрико-лингвистическая неопределенность, являясь коррупциогенным фактором, выступает предметом антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в соответствии с действующим российским антикоррупционным законодательством. Исследователи правовой природы и юридического содержания названного коррупциогенного фактора выделяют отдельные разновидности юрико-лингвистической неопределенности.

Так, П.А. Кабанов рассматривал и анализировал смысловую лингвистическую неопределенность, скрытую лингвистическую неопределенность и иные виды неопределенности, устранение которых требуется в рамках проведения и других видов экспертиз – правовой и лингвистической [6].

При этом смысловая лингвистическая неопределенность заключается в применении недостаточно точно описанных терминов, понятий, словосочетаний или формулировок смыслового (содержательного) характера, вызванных несоблюдением логических и лингвистических правил юридической (правотворческой) техники. Она может являться следствием как правового и/или лингвистического невежества разработчика, так и умышленного внесения коррупционной составляющей для последующего использования как им самим, так и третьими лицами.

Сложности в выявлении скрытой лингвистической неопределенности обусловлены латентным состоянием коррупциогенного фактора. Для поиска указанного вида юрико-лингвистической неопределенности требуются специальные лингвистические познания и умение математического моделирования лингвистической неопределенности.

В качестве коррупциогенных факторов в виде юрико-лингвистической неопределенности в отечественной юридической литературе также предлагается признавать использование разработчиками нормативных правовых актов немотивированной полисемии, синонимии, омонимии при формировании нормативных предписаний [7]. Использование в нормативных правовых актах многовариантных, тождественно близких и совпадающих по написанию и разных по значению языковых единиц может привести к коррупционным рискам при их применении как самими разработчиками, так и третьими лицами.

Принимая во внимание, что юрико-лингвистическая неопределенность имеет как антикоррупционную, правовую, так и лингвистическую составляющую, в научной литературе обоснованно ставится вопрос о выделении специального вида антикоррупционной экспертизы – антикоррупционной юрико-лингвистической экспертизы.

По мнению Е.И. Галяшиной, одной из причин коррупциогенности законов являются не только неточные с логической точки зрения суждения, но и определенная небрежность обращения с языком законодательства, терминами и определениями, недостатки нормотворческого дефинирования. Коррупциогенные факторы, подлежащие выявлению при проведении антикоррупционной экспертизы, содержатся и проявляются в текстовой материи нормативного правового акта, в его словесном наполнении и структурно-языковой организации [8].

Помимо терминов в нормах права используются и слова общеупотребительные, которые могут иметь не одно, а несколько словарных значений и создавать тем самым простор для инотолкования.

В настоящей статье в качестве примера формирования правоприменительной практики в условиях законодательной неопределенности приводится судебное дело, рассмотренное Арбитражным судом Нижегородской области. Суд рассматривал дело по иску министерства транспорта и автомобильных дорог Нижегородской области к муниципальному транспортному предприятию о взыскании неосновательного обогащения, полученного в связи с излишним предоставлением субсидий. Предметом спора явился размер выпадающих доходов, возникающих у транспортного предприятия от перевозки льготных категорий граждан, учащихся и студентов, который подлежал компенсации из регионального бюджета в порядке субсидирования.

Формулы расчета выпадающих доходов, возникающих у транспортного предприятия от перевозки льготных категорий граждан, учащихся и студентов установлены Положением о порядке формирования, распределения и использования субсидий, предоставляемых государственным предприятиям, муниципальным предприятиям и транспортным предприятиям иной формы собственности Нижегородской области на возмещение выпадающих доходов, возникающих от перевозки пассажирским транспортом льготных категорий граждан, учащихся, студентов (утв. Постановлением Правительства Нижегородской области от 24.09.2008 г. № 404) [9] (далее – Положение).

Одним из параметров формулы, необходимых для расчета выпадающих доходов, является величина тарифа на перевозку пассажиров общественным транспортом.

При расчете размера выпадающих доходов государственным органом – распорядителем субсидии был использован предельно максимальный тариф на перевозку пассажиров общественным транспортом в городском сообщении, установленный Правительством Нижегородской области.

Вместе с тем в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10], тарифы на услуги, предоставляемые муниципальными предприятиями, устанавливаются органами местного самоуправления.

Поскольку участвующее в споре транспортное предприятие являлось муниципальным, тарифы на предоставляемые им услуги по перевозке пассажиров устанавливались администрацией города Нижнего Новгорода, в связи с чем, по мнению предприятия, нормативный правовой акт, установивший предельно максимального тариф, был принят с нарушением требований упомянутого федерального закона.

Одним из обстоятельств, подлежащих исследованию судом в целях определения правильности спорного расчета выпадающих доходов, произведенных сторонами, стало определение значения слова «тариф», используемого в формуле расчета.

В ходе рассмотрения дела и при вынесении решения судом были поддержаны доводы министерства транспорта о том, что используемый в Положении термин «тариф на перевозку пассажиров» не является установленным в нарушение требований Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» тарифом на услуги муниципального предприятия, а представляет собой некий расчетный показатель формулы расчета выпадающих доходов.

Муниципальное предприятие же полагало указанное толкование министерства и суда неправильным, поскольку общеупотребительным значением термина «тариф», выработанным положениями федеральных нормативных правовых актов и сложившимся в законодательной и правоприменительной практике, являлась «ценовая ставка, по которой осуществляются расчеты с организациями за оказываемые ими услуги». Кроме того, Законом Нижегородской области «О нормативных правовых актах Нижегородской области» [11] предусмотрено, что слова и словосочетания в законах используются

в значении, обеспечивающем их точное понимание и единство с терминологией, применяемой в федеральном законодательстве. В случае если общеупотребительному термину необходимо в отдельном нормативном правовом акте придать какое-либо специальное значение, на это должно быть указано в таком нормативном правовом акте. Поскольку специального значения термина «тариф» как «расчетной величины» в Положении не предусматривалось, муниципальное предприятие применило термин «тариф» в общеупотребительном смысле, который придается ему федеральным законодательством. Основания для иного толкования данного термина, а также для придания ему значения, отличного от общеупотребительного, у предприятия отсутствовали.

Несмотря на указанное обстоятельство, суд признал правомерными доводы министерства транспорта и, соответственно, его толкование спорного термина.

Таким образом, наличие в тексте нормативного правового акта юридико-лингвистической неопределенности послужило причиной получения неправильного расчета величины денежных средств, подлежащих возмещению посредством предоставления субсидии, при добросовестном и правомерном поведении получателя субсидии. Представленный пример наглядно демонстрирует, как правоприменительная практика, формирующаяся в условиях юридико-лингвистической неопределенности, может быть выражена в принятии неправомерного судебного решения. Посредством формирования судебной практики толкования неопределенных юридических терминов происходит «апробация» неоднозначно толкуемых положений нормативных правовых актов.

В заключение ещё раз следует отметить, что употребление двусмысленных или неустоявшихся терминов, понятий и формулировок, категорий оценочного характера, с неясным, неопределенным содержанием, допускающих различные трактовки, обозначение различных явлений одними и теми же терминами может искажать смысл положений нормативных правовых актов. Если в нормативном правовом акте используется многозначный термин, его значение для целей данного акта должно быть чётко определено и доступно для правильного понимания и надлежащего применения участниками общественных отношений.

Список литературы

1. Бодров Н.Ф. Юрико-лингвистическая неопределенность новаций современного законодательства [Электронный ресурс]. URL: <http://konference.siberia->

expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/juridiko_lingvisticheskaja_neopredelennost_novacij_sovremennoego_zakonodatelstva/2-1-0-61 (дата обращения: 12.07.2016).

2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 г. № 96 // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.03.2010. № 10. Ст. 1084.

3. Барзилова И.С., Романова Е.А. К вопросу о логико-гносеологических средствах проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов // Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов. М.: Проспект, 2013. С. 12–15.

4. Россинская Е.Р. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов [Электронный ресурс] // URL: http://www.nbrilev.ru/Antikorrupcijskaja_ekspertiza_NPA_i_ih_projektov.htm (дата обращения: 12.07.2016).

5. Керимов Д.А. Проблемы методологии и методики правоповедения. М.: Изд-во «Мысль», 1974. С. 139.

6. Кабанов П.А. Юридикo-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // NB: Административное право и практика администрирования. 2014. № 03. С. 61–71.

7. Хазанов С.Д., Помазуев А.Е. Научно-практический комментарий к Методике проведения

антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96. Екатеринбург, 2010. С. 30.

8. Галяшина Е.И. Антикоррупционная юридикo-лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов и их проектов // Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / Сост. Е.Р. Россинская. М.: Проспект, 2010.

9. Об утверждении Положения о порядке формирования, распределения и использования субсидий, предоставляемых государственным предприятиям, муниципальным предприятиям и транспортным предприятиям иной формы собственности Нижегородской области на возмещение выпадающих доходов, возникающих от перевозки пассажирским транспортом льготных категорий граждан, учащихся, студентов. Постановление Правительства Нижегородской области от 24.09.2008 г. № 404 // Нижегородские новости. 02.10.2008. № 185.

10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

11. О нормативных правовых актах Нижегородской области: Закон Нижегородской области от 10.02.2005 г. № 8-3 // Нижегородские новости. 26.02.2005. № 34 (3206).

LEGAL LINGUISTIC UNCERTAINTY AS A CORRUPTION THREAT IN LAW-ENFORCEMENT PRACTICES

A.K. Baldin

In this paper, we examine the effects of legal linguistic uncertainty as a corruption factor on the practices of implementation of regional regulatory legal acts.

Keywords: prevention of corruption, corruption factor, legal linguistic uncertainty, techniques of anticorruption expert examination, anticorruption expert examination, regulatory legal act.

References

1. Bodrov N.F. Yuridiko-lingvisticheskaya neopredelennost' novacij sovremennoego zakonodatel'stva [Elektronnyj resurs]. URL: http://konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/juridiko_lingvisticheskaja_neopredelennost_novacij_sovremennoego_zakonodatelstva/2-1-0-61 (дата обращения: 12.07.2016).

2. Ob antikorrupcionnoj ehkspertize normativnyh pravovyh aktov i projektov normativnyh pravovyh aktov: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26.02.2010 g. № 96 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 08.03.2010. № 10. St. 1084.

3. Barzilova I.S., Romanova E.A. K voprosu o logiko-gnoseologicheskikh sredstvah provedeniya antikorrupcionnoj ehkspertizy normativno-pravovyh aktov // Antikorrupcionnaya ehkspertiza normativno-pravovyh aktov i ih projektov. M.: Prospekt, 2013. S. 12–15.

4. Rossinskaya E.R. Antikorrupcionnaya ehkspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih projektov [Elektronnyj

resurs]. URL: http://www.nbrilev.ru/Antikorrupcijskaja_ekspertiza_NPA_i_ih_projektov.htm (дата обращения: 12.07.2016).

5. Kerimov D.A. Problemy metodologii i metodiki pravovedeniya. M.: Izd-vo «Mysl'», 1974. S. 139.

6. Kabanov P.A. Yuridiko-lingvisticheskaya neopredelennost' kak predmet antikorrupcionnoj ehkspertizy normativnyh pravovyh aktov i projektov normativnyh pravovyh aktov // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2014. № 03. S. 61–71.

7. Hazanov S.D., Pomazuev A.E. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Metodike provedeniya antikorrupcionnoj ehkspertizy normativnyh pravovyh aktov i projektov normativnyh pravovyh aktov, utverzhdennoj Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 26 fevralya 2010 goda № 96. Ekaterinburg, 2010. S. 30.

8. Galyashina E.I. Antikorrupcionnaya yuridiko-lingvisticheskaya ehkspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih projektov // Antikorrupcionnaya ehkspertiza normativno-pravovyh aktov i ih projektov / Sost. E.R. Rossinskaya. M.: Prospekt, 2010.

9. Ob utverzhdenii Polozheniya o poryadke formirovaniya, raspredeleniya i ispol'zovaniya subsidij, predostavlyаемых gosudarstvennym predpriyatiyam, municipal'nym predpriyatiyam i transportnym predpriyatiyam inoj formy sobstvennosti Nizhegorodskoj oblasti na vozmeshchenie vypadayushchih dohodov, voznikayushchih ot perevozki passazhirskim transportom l'gotnyh kategorij grazhdan, uchashchihsya, studentov. Postanovlenie Pravitel'stva Nizhegorodskoj oblasti ot

24.09.2008 g. № 404 // Nizhegorodskie novosti. 02.10.2008. № 185.

10. Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 g. № 131-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 06.10.2003. № 40. St. 3822.

11. O normativnyh pravovyh aktah Nizhegorodskoj oblasti: Zakon Nizhegorodskoj oblasti ot 10.02.2005 g.

№ 8-Z // Nizhegorodskie novosti. 26.02.2005. № 34
(3206).